

СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984 — Вып. 19. СПб., 2012 (изд. продолж.).

Сл. Смол. — Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. Отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–5. СПб., 2004–2012 (изд. продолж.).

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Генералова Елена Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

О добром и вечном

(заметки о семантике качественных прилагательных в русском языке XVI–XVII вв.)¹

Предметом статьи послужила семантика базовых прилагательных качественной оценки в памятниках обиходного и делового языка XVI–XVII вв. (по материалам картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»). Широко используя в памятниках различной жанровой принадлежности, прилагательные качественной оценки именно в обиходном и деловом языке — в основном в непереводах источниках и оригинальных контекстах — развивают разнообразную семантику и в период начала сложения национального языка проходят стадию стратификации (выстраиваясь в синонимические ряды, закрепляясь как основные и второстепенные в языке) и семантической определенности.

Набор качественных² прилагательных в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII вв. традиционен: используются преимуще-

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ 14-04-00110-а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков (седьмой и восьмой выпуски)».

² Вопрос разделения прилагательных на лексико-грамматические разряды неоднозначен: «граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [Виноградов 1972: 170]. Однако нельзя и проигнорировать определенные морфологические, словообразовательные, семантические, функциональные тенденции в рамках пусть и не всегда четко выделяющихся разных групп прилагательных.

ственно базовые лексемы, доминанты синонимических рядов, в большинстве своем хорошо известные и в современном языке (*большой, долгий, грешный, гладкий, кривой, дурной* и т. д.), и это черта, сближающая обиходный язык XVI–XVII вв. с разговорной речью.

В разные периоды существования языка доля качественных прилагательных всегда меньше доли относительных и притяжательных, словообразование менее активно, чем процессы по образованию относительных прилагательных (ср. выводы исследователей о процессах в современном русском языке: «Производство имен прилагательных дает четкую картину противопоставления разрядов качественных и относительных имен по степени активности. В то время, как рождаются десятки суффиксальных ОП от все новых наименований, в том числе терминологических, суффиксальное производство качественных прилагательных дает единицы» [Русский язык 1996: 124]). Для XVI–XVII вв. — времени значительного накопления в языковой системе словообразовательных вариантов, семантических дублетов при невысокой доли заимствований — такое состояние особенно характерно. Относительные прилагательные в это время могут образовываться фактически от любой основы (напр., *амный* ‘содержащий амну вина’: *б бочек амных, гнездный* ‘растущий в тесном окружении других деревьев и кустов’: *гнездный дуб, бескуфейный* ‘отстраненный от священнических обязанностей’: *бескуфейной попь*, и т. д.), выделяют-ся целые ряды дублетных или частично совпадающих по семантике однокоренных прилагательных (*архиепископий — архиепископлев — архиепископов — архиепископский, вражеский — вражий — вражебный*). Для фонда же прилагательных качественной оценки словообразовательные процессы характерны в меньшей степени (напр., *безмочный* ‘слабый, бессильный’, *дождеватый, дождевой* и *дождивый* ‘дождливый, с обильными дождями’). Качественные прилагательные — это во многом непроемные слова (*глупый, худой, простой, глухой*) или слова, образованные от древних корней (*близкий, глубокий*), и этот исконный корневой фонд, естественно, ограничен.

Однако небольшое количество прилагательных качественной оценки в обиходном языке XVI–XVII вв. компенсируется их высокой частотностью, известностью в значительном количестве контекстов, и в языке XVI–XVII вв. велика «поляризация» качественных прилагательных по частотности: одни единичны, фиксируясь один-два раза (см. *варный* ‘жаркий, знойный, палящий’ (*варное солнце* (Хож. Аф. Ник.)), *диковинный* ‘замечательный, удивительный по своему высокому качеству’ (*чай диковинный* (Разг. Хеймера)), видимо, сибирский

диалектизм *воистый* ‘всегда готовый к войне, храбрый’ (*люди воисты* (Сл. Том.)), другие обладают очень широкой употребительностью.

Для высокочастотных полисемантических (т. е. ядерных) качественных прилагательных при всем их разнообразии можно выделить обобщенные типы развития значений; некоторые рассмотрены в статье на примере семантической эволюции прилагательных *добрый* и *вечный*.

Древнее, восходящее к праславянскому периоду и известное на протяжении всей истории русского языка прилагательное *добрый* в языке XVI–XVII вв. — одно из самых частотных, фиксируется во многих источниках разной жанровой и территориальной принадлежности, обладает широкой сочетаемостью, развивает разнообразную семантику, входит в значительное количество фразеологических оборотов, в ряде значений субстантивируется, является основой обширного словообразовательного гнезда, в т. ч. активно используется в сложениях.

Анализ семантики этого прилагательного в обиходном и деловом языке XVI–XVII вв. позволяет выделить определенные смысловые блоки, в рамках которых развиваются значения:

I. Обладающий положительными свойствами, выдающийся в своем роде.

1. Отличающийся хорошими качествами (обычно о предметах).
2. Хорошо знающий свое дело.
3. Здоровый, полный сил.
4. Справедливый.

II. Добродетельный, примерный в нравственном отношении.

5. Достойный, уважаемый, почтенный.
6. Состоятельный, занимающий определенное общественное положение.

III. Добросердечный, отзывчивый

7. Относящийся к людям доброжелательно, с сочувствием.
8. Основанный на добросердечном, доброжелательном отношении.

IV. 9. Противоположный плохому, дурному.

V. Большой, значительный.

10. Значительный по степени проявления, интенсивности
11. Значительный по количеству.

Отношение основных значений (трех первых смысловых блоков) друг к другу неоднозначно: едва ли можно говорить о непосредственной производности или какой-либо стратификации.

В обиходном языке XVI–XVII вв. *добрый* широко использовалось с семантикой ‘отличающийся хорошими качествами, выдающийся-

ся в своем роде', сочетаясь с нарицательными, как правило, конкретными существительными («в особенности широко — с названиями товаров» [Мжельская 2003: 64], как пишет О. С. Мжельская, подробно рассмотревшая семантику этого прилагательного на материале иностранных разговорников): *Мой товар доб [doeb, gutt]* (Разг. Шrove, 1546 г.), *Прислат восемь станов колес а коласа (!) б были добры ступицы и спицы и ободы добрые* (Арх. Пожарских, 1649 г.), *Архимандриту... по полуведру меду доброго* (Рус.-грузин. отн. I, 1681 г.). *Добрый* встречается и в контекстах, содержащих прямое указание на противопоставление товаров по качеству (где *добрый* 'лучшего качества'): *А пряные зелья купят... кореню мамраму купят батман по пяти лан середняго, а добраго по шти и по семи лан* (Ст. сп. Байкова, 1658 г.), *Половинка лосинная добрая цена полполтины половинка лосинная середняя цена пять алтын половинка малая цена гривна* (Товар. цен. роспись, 1687 г.). Формируются фразеологические обороты *добрый руки* 'выполненный мастером высокого уровня' и *дobre добр(-ый)* с усиленной семантикой.

В сочетаниях с лексемами конкретных тематических групп значение 'отличающийся хорошими качествами, выдающийся в своем роде' может быть уточнено: 'о земле, почве — плодородный' (*Паши добрые земли монастырской и крестьянской пятьдесят четвертой* (АФЗХ II, 1574 г.)), 'об одежде — парадный, нарядный' (*И невѣсту нарядаютъ въ доброе платье* (Котошихин, 1667.)), 'о погоде — ясный, солнечный' (*Добро [dobbro] погодые* (Разг. Шrove, 1546 г.)), 'о здоровье — вполне удовлетворительный, не вызывающий беспокойства' (см. характерные для формул речевого этикета устойчивые сочетания *доброе здоровье, в добром здоровье (здрави), добр здоров*).

В рамках этого значения в сочетаниях с одушевленными существительными реализуется семантика 'здоровый, полный сил' и 'хорошо знающий свое дело' (*Стольники государевы, по смотру добры, толко молоды и не служивали* (МДПП, 1625 г.), *А в Суздале, государь, городского наряду и пушечных запасов и зелья немного, и пушкарей добрых нет* (РД II-2, 1670 г.), *Сей кокъ розумѣтъ свое дѣло онъ доброй мастер* (Разг. Хеймера, 1696 г.)). В немногих сочетаниях с абстрактными существительными *добрый* означает 'искусный, высокого уровня': *3 книги писменные, в десть, доброва писма* (Вкл. Нижегород., 1648 г.).

Несмотря на кажущееся расхождение таких значений, они объединены идеей чего-то лучшего, превосходного в своем роде. Ряд синонимичных сложений с корнем *-добр-* уточняет значение с помощью второго компонента: *доброобразный* 'имеющий приятный внешний

вид', *доброродный* 'плодородный', *доброродный* 'имеющий здоровый, цветущий вид' и 'знатного происхождения' (наряду с синонимичными *благородный*, *высокодоброродный*, *высокородный*, *высокороденный*, *высокоуроженный*, *добророденный*), известные только в тексте Вестей-Курантов 1658 г. *добронарядный* 'одетый в праздничную одежду' (*добронарядными людми*) и *добростроинный* 'о войсках — отличающийся хорошей выправкой в строю' (*добростроинные новонанятые свѣиские роты*).

Ведущей для сочетаний прилагательного с обозначениями людей в языке этого периода является семантика 'добродетельный, примерный в нравственном отношении': *И вы бѣ въ Старую Русу послали дворянина добра* (А. Ивер. м., 1655 г.). С семантикой 'достойный, уважаемый, почтенный' прилагательное и используется как эпитет в обращении, и субстантивируется в формах *добрый*, *добрые*, и входит в устойчивое сочетание *добрые люди* (*добрый человек*): *А скажут в обыску, что он [кого приведут с поличным впервые] доброй человек, ино дело вершити по суду* (Судебник 1550 г.), *Ты члвкъ доброй так тебѣ добрые люди и надобѣ* (ИНРЯ, 1694 г.). См. использование этого сочетания в сравнениях, раскрывающих «образцовость» добрых людей: *Полно-тко милостивая душа Авраам-от миленькой, чадом зовет [богатого], да разговаривает, быт-то с добрым человеком* (Авв., 1675 г.), *И хочетца мне так же пожить, как добрые люди живут, да виликые мои недостатки* (Азб. о гол. и небог., сер. XVII в.). В специализированном деловом употреблении сочетание *добрые люди* (только во мн. числе) означает 'свидетели из числа уважаемых жителей, соседей'.

В описываемый период уже хорошо известна и основная семантика прилагательного *добрый* в современном русском языке: с одушевленными существительными — 'добросердечный, отзывчивый, обожелательный, относящийся к людям с сочувствием' (*Мужь еѣ Алексѣи Коробанов добръ былъ до еѣ Аннинных детеи* (МДБП, 1641 г.), *И табѣ бы пожаловат для моего прошания быт к нему добру и всякое вспоможения чинит* (ИНРЯ, 1696 г.)), с абстрактными существительными — 'выражающий доброту, отзывчивость, доброжелательность' (*Глаз чорной взгляд доброй абычей волковъ* (Сим. Послов., XVII в.)), и 'основанный на добросердечном, доброжелательном отношении' (*Мы с предком его с маршалком доброе и дружное суседство держали* (РШЭО, 1620 г.)). С такой семантикой *добрый* известно и в устойчивом сочетании *по доброй воле* и в сложениях гnezда *добр-вол-*. В контекстах, описывающих отношения между монархами и странами, прилагательное развивает оттенки 'дружественный, добро-

соседский (о межгосударственных отношениях)’, ‘имеющий результатом заключение межгосударственного договора’, ср. фразеологизм *доброе дело* ‘межгосударственное соглашение’: *После того с королевною Елизаветью многие ссылки государю нашему бывали, а дела доброго не совершалось* (Ст. сп. Писемского, 1583 г.), *А какъ посольство учнетъ приходитъ къ доброму дѣлу, и имъ [послам] по зговору записи велятъ писать, по указу, и учиня бѣ межъ себя вѣру и крестное цѣлованье, розѣхався зъ другими послы, ѣхали къ Москвѣ не мѣшка* (Котошихин, 1667 г.).

Т. е. в разное время в языке ведущей оказывается разная семантика *добрый*, и период XVI–XVII вв. — рубежный в истории этого прилагательного. Изучив использование антонимов *добрый* и *худой* в качестве оценочных слов в языке XVI–XVII вв., О. С. Мжельская приходит к выводу, что в это время «древние исконные слова *добрый* и *худой*, несмотря на широкое употребление, уже стоят на пороге утраты ряда своих значений, тогда как относительно новые в языке слова с неясной этимологией *хороший* и *плохой*, распространяясь в речи и на письме, вступают в конкуренцию с древними словами и в дальнейшем, заменяя их во многих семантических позициях, отодвигая на второй план, значительно сужают их смысловый объем в литературном языке [Мжельская 2003: 69–70].

Обобщающей по отношению к первым трем — фактически равноправным — блокам можно считать семантику ‘противоположный плохому, дурному’, однако это значение не является главным для прилагательного *добрый* в период XVI–XVII вв. (такая семантика более актуализируется в существительном *добро* ‘все, что полезно, хорошо; благо’). Выделяются оттенки этого значения: ‘благополучный, счастливый’ (в составе этикетных формул приветствия и прощания (*добрый день*, *добра(я) ночь*, *добрый вечер*, *доброе утро*) и ‘содержащий положительные сведения, положительную оценку’ (в сочетаниях со словами *весть слава*, *беседа* и др. и в устойчивом сочетании *доброе слово*: *Ладану бѣгаетъ дьявол а дурак доброва слова* (Сим. Послов., XVII в.)). *Добрый* в обобщающем оценочном значении особенно близко одному из своих синонимов в языке XVI–XVII вв. *благой*.

Периферийными в семантике *добрый* являются значения ‘значительный по количеству’ и ‘значительный по степени проявления, интенсивный’ (в т. ч. ‘о цвете — насыщенный’: *Купити лаль добраго цвѣта въ ползолотники вѣсомъ въ 2 и въ 3 и 4 рубли* (Торг. кн.(С), 1575–1610 гг.)). Развивая такую семантику, *добрый* сближается с высокочастотными прилагательными *большой* и *великий*.

Важно, что *добрый* обладает яркой положительной оценочностью, которая имплицитно присутствует практически во всех контекстах с этим прилагательным. О. С. Мжельская приходит к выводу, что в языке XVI–XVII в. *добрый* было «основным словом, обозначающим положительное качество» [Мжельская 2003: 63].

Во многом с сильной оценочностью связан определенный синкретизм семантики прилагательного *добрый*¹. Характерно, что в ряде контекстов сложно выделить, какое именно значение имеется в виду, вероятно, следует говорить о диффузности семантики при общей положительной оценке. См., напр., *На людеи она дурнымъ ничем не похвалялас жена де она добрая* (МДБП, 1643 г.) (совмещаются значения ‘добродетельный, достойный, уважаемый’ и ‘добросердечный’), *И вы б послали от себя в Панишинской и в Качалинской городки, выбрав из войска... казаков добрых, сколько человек пригоже* (РД I, 1670 г.) (‘добропорядочный, почтенный’ и ‘хорошо знающий свое дело’, возможно, ‘здоровый, полный сил’), *добрый молодец* (‘добропорядочный, почтенный’ и ‘здоровый, полный сил’), *Отведен ли по посольскому договору твоим государевым торговым людем в Стекольне на приезд двор и какой двор отведен, добр ли или обычной, и в какове месте* (РШЭО, 1636 г.) (‘большой, просторный’ и ‘отличающийся хорошими качествами’) и т. д.

В целом, для семантической структуры прилагательного *добрый* характерны:

- сложная организация (позволяющая выделять и более крупные, чем значения, семантические единицы);
- развитие разнообразной и неоднородной семантики (в т. ч. за счет широкой сочетаемости с существительными разных разрядов и тематики);
- трудность реконструкции связей семантической производности;
- ядерно-периферийная семантическая структура (четко выделяются ведущие и второстепенные значения, при этом стратификация динамически изменяется во времени);
- развитие оценочной семантики;
- синкретизм значений в ряде контекстов;
- синонимичность другим базовым прилагательным качественной оценки.

Такого же типа семантическая эволюция имеет место в прилагательных *большой, великий, высокий, дородный, дорогой, здоровый* и др.

¹ О синкретизме в истории языка оценочных слов и слов, обозначающих моральные качества, см. напр. [Пименова 2011].

См. приблизительную семантическую схему прилагательного *большой*:

I. 1. Значительный по размерам, величине, объему.

2. Значительный по количеству, многочисленный.

3. Значительный по силе проявления.

II. 1. Главный, основной.

2. Занимающий высокое служебное положение.

III. Старший по возрасту, по годам.

Ярко выраженный синкретизм значений можно **наблюдать**, напр., в семантике прилагательного *бедный*, которое наряду со значениями 'не имеющий достаточных средств к существованию, неимущий', 'несчастный, вызывающий жалость, сострадание' и 'находящийся в бедственном положении' развивает характерную для деловых памятников языка XVI–XVII вв. синкретичную семантику 'неимущий, незащитный, ожидающий сострадания и помощи' (*А ныне мы, бедные, от разоренья помираем голодною смертью и наги и боси* (РД III, 1672 г.), *Умилис надо мною над такою бедною безродною и над детми* (ИНРЯ, 1696 г.), часто усиливаясь прибавлением близких по семантике прилагательных, используясь как традиционный эпитет челобитчика и выступая основой формирования устойчивых сочетаний (*бедный и беспомощный и беззаступный, скуден и беден, бедный и разоренный*).

Прилагательное *вечный* также частотно, многозначно, активно во фразеологических оборотах. Семантически это принципиально другой тип: все значения слова расходятся достаточно недалеко, составляя некое единство.

Для прилагательного *вечный* это единство определено концептом «независимости от времени». Конкретные реализации обусловлены прежде всего функциональной характеристикой, а также актуализацией той или иной семы в рамках единого смыслового ядра. Слово *вечный* активно используется в книжно-церковных текстах; в обиходный язык входил ряд единиц «религиозной лексики», при этом, по интересному наблюдению О. С. Мжельской, в источниках «отразилась «верхушка» религиозной лексики, все то, что так или иначе касалось повседневной жизни... основной же пласт христианской терминологии остался за пределами наших источников» [Мжельская 2003: 96].

Освоенную обиходным языком «христианскую» семантику *вечный* можно определить как 'в христианской религии: независимый от времени, вневременный': *Въчень, ewig* (Разг. Хеймера, к. XVII в.), *Избави, Господи, вечныя муки, а дай нам, Господи, светлый рай* (Пов. Гор.-Зл., XVII в.). Антонимами *вечный* в этом значении выступают

лексемы *временный, тленный*. Круг определяемых существительных показателей, это почти исключительно абстрактная книжная лексика: *вечные муки, вечные блага, вечный сон, вечный покой, вечная жизнь, вечное блаженство*. Большинство этих сочетаний могут рассматриваться как устойчивые, свойственные текстам литургического и евангельского содержания, т.е. фактически можно говорить о контекстуально связанном «христианском» значении прилагательного *вечный*. Интересно проникновение таких сочетаний — в качестве широко распространенных — в тексты не церковного, в т. ч. делового, содержания, напр., во вкладной в составе формулы: *Се язъ Истома Васильевъ... даль есми въ домъ Пречистой Богородицѣ... свою вотчинную деревенку... по своей душѣ... и въ наслѣдие вѣчныхъ благъ со всѣми угоды* (А. Угл., 1570 г.) (ср. широко известные в памятниках обиходного языка формулы *блаженные памяти, по Божию велению, слава Богу*, и др.). Достаточное конкретное, «обмирщенное» значение имеет фразеологизм *вечная память*: ‘а) заупокойная молитва’, ‘б) возглас при упоминании об умерших: чтобы всегда помнили!’.

В рамках концепта постоянства, независимости от времени развивается и основная семантика, с которой *вечный* используется в источниках обиходного и делового языка XVI–XVII вв., — ‘постоянный, не ограниченный сроком, бессрочный; существующий постоянно, всегда’. Разграничить эти значения и их оттенки достаточно сложно, они как бы перетекают друг друга. В некоторых контекстах (более характерны для частной переписки) актуализируется сема независимости от времени, постоянности: *Прошу у тебя гсдря своего приятеля одолжи меня вечнымъ своимъ приятствомъ даи мне млсть свою и приятство на веки помнит* (ПНРЯ, XVII в.), *Детем моимъ Петровымъ Якову и Федору Петровичамъ от меня вамъ миръ и любовъ и вечное мое вамъ блгословение* (Гр. № 65, XVII — н. XVIII в.). В других контекстах (более характерны для памятников официально-деловой разновидности) на первый план выходит сема бессрочности, отсутствия каких-л временных ограничений: *Велеть его по вечному докончанью отпустить для торговли за рубежъ и проезжую ему дать* (РБС, 1649 г.), *Велеть по мирному вечному договору и по прежнему и по нынешнему его челобитью о томъ дворе... дати нашу грамоту* (РШЭО, 1645 г.), или сема сохранения постоянного действия, существования: *А чаяно было вечнаго поминка дочери своеи и сожителнице а ты гсдрь и одиново не приезживал в мнстрь и перед собою панахиды не отпевывал* (ПНРЯ, XVII в.) (ср. *вечный синодик* ‘памятная книга, в которую вписывали имена умерших родственников для поминовения во время церковных

служб'), *И ранень я, холопъ твой... изъ мушкета возлѣ уха въ лѣвую щоку, а въ правую вышло, небо выломило, языкъ перервало... изувѣченъ я, холопъ твой, вѣчнымъ увѣчьемъ* (АЮБ III, 1659 г.).

В контекстах делового содержания *вечный* часто используется почти с терминологическим значением 'бессрочный, пожизненный': *Кто похочет остатца въ вѣчной службѣ, и имъ жалованье мѣсечной кормъ дается до вѣку ихъ* (Котошихин, 1667 г.), *А просить у меня ... тот воевода тое мою женишку к себѣ во дворъ в вѣчное холопство* (Южн. челобитные, 1649 г.) (ср. использование в этом значении и производного наречия *вечно*: *Галеченинъ Микита Ондреевъ сынъ Котенинъ поступился в монастырь старинново своего крестьянина Онтипки Степанова з женою и з дѣтми и з животы вѣчно во крестьянство* (Вкл. Нижегород., 1665 г.), *Онъ же Иван Шавкуновъ, бивъ ево Лазарка батогами, намучилъ на него и на жену ево и на дѣтей дворовую запись въ штидесять рублехъ и чтобъ ему Лазарку и зъ женою и зъ дѣтми жить у него Ивана во дворѣ вѣчно* (А. Кунг., 1698 г.)). В деловых контекстах используются устойчивые сочетания с усилительной семантикой *искони вечный, искони вечно* 'с давних пор', *в вечно* 'на всю жизнь'. Определяя одушевленные существительные (чаще всего слово *работник*), прилагательное *вечный* получает значение 'преданный до конца своих дней': *Млсть гсдрь над вѣшным своим работником покажи пожалуй прикажи смолот пшонки да ржи* (ПНРЯ, XVII в.); такие сочетания часто используются в частных письмах в зачине или в формуле выражения благодарности: *А семъ писав вешнои твои работник Андриюшка Безобразов со упрошениемъ челомъ бью* (ПНРЯ, XVII в.), *Челом бью гсдрь на гостинце, а я за млсть твою вѣчнои твои работникъ* (ИНРЯ, XVII — н. XVIII в.), *О сем вечнаи искател млсти твоеи къ себѣ Васка Челюскин раболепно челом бьет* (ibid., 60).

Постоянство действия основа *вечн-* обозначает и в сложениях *вечнопамятный* (*Одолжи вечнопамятным неоплатным долгом потрудисе поскорее* (Гр. № 171, 1697 г.)), *вечнхвальный* (*И тем великий государь наш... великую и вечнхвальную славу имяни своему учинил* (РШЭО, 1629 г.)).

Указание на предельный признак способствует развитию у прилагательного *вечный* семантики 'окончательный, полный' с частичной десемантизацией, особенно часто в сочетании с лексемой *разорение*, используясь в деловых контекстах: *И тебе за то от нас, великого государя, быть... в вечном разоренье* (РД I, 1666 г.) (ср. аналогичные контексты с наречием *вечно* в формуле просьбы в челобитных:

*Умсердись гсдрь Андреи Иличь заступи своею млстыю не даи надо мною Федору Шекловитому насмеяцца и **вечна** ат нево розаритцца бесчестья себе и вам не принесть (ПНРЯ, XVII в.), Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович... пожалуй меня, иноземца, ...чтоб мне, иноземцу, от того **вечно** в разорении не быть (РШЭО, 1668 г.)).*

Таким образом, для семантической эволюции прилагательного **вечный** характерно:

- определенное единство и однородность развиваемой словом семантики (значения расходятся недалеко);
- прозрачность семантических связей;
- относительное равноправие значений;
- определенная устойчивость смыслового ядра слова;
- незначительная склонность к потере лексического значения;
- неиспользование в оценочных контекстах.

Интересно исследование и сравнение случаев диффузной семантики прилагательных. Если в семантической эволюции таких прилагательных, как *добрый*, известны самые разные, достаточно далеко расходящиеся значения и в диффузных контекстах они объединяются как существующие одновременно, но не сливаются воедино, то для семантики прилагательных, как *вечный*, характерно плавное перетекание одного оттенка в другой и неразличение в ряде случаев этих оттенков именно в силу невозможности их выделения.

К этому же семантическому типу можно отнести развитие значений слов *богатый*, *глупый*, *готовый*, *вольный* и др. Напр., если для прилагательного *вечный* единый концепт поворачивается разными гранями в зависимости от функционального аспекта: ср. более книжное *огнь вечный* (Авв., 1675 г.) и обиходное *и коли онои (дичок) приметъся и взростет, будетъ плетень **въчныи*** (Назиратель, XVI в.), то у прилагательных *богатый*, *больной*, *глупый*, *готовый* и др. семантика варьируется в зависимости от сочетаемости с классом одушевленных или неодушевленных существительных.

См. **богатый** — с одушевленными существительными ‘обладающий большим имуществом, материальными ценностями’ (*богатои торговои члвкъ*), с неодушевленными существительными — ‘обладающий чем-л. в большом количестве’ (*Наша земля богата людми да не золотом* (Аноним. разг., 1568 г.)), ‘значительный по ценности’ (*богатая милость*), ‘щедрый, отличающийся обилием’ (*богатая трапеза*), ‘роскошный, великолепный’ (*пены богатые*);

глупый — с одушевленными существительными ‘ограниченный в уме, недалекий’ (*глупые люди, глупые де мужики, глупая княгиня неразумная* и т. д.), ‘незрелый разумом; неразумный по возрасту’ (*глупо робя*), с неодушевленными существительными — ‘неразвитый, слабый’ (об уме), ‘ложный’ (о сведениях);

голодный — с одушевленными существительными ‘испытывающий сильное желание есть; несытый’ (*Яз гораздо голодна, урѣѣжъ мнѣ кусочикъ мяса* (Копенг. разг., сер. XVII в.)), с неодушевленными существительными — ‘вызванный недостатком пищи, происходящий от недоедания’ (*голодная смерть*), ‘скудный продуктами питания’ (*голодные годы, голодное время*).

Таким образом, развитие семантики качественных прилагательных возможно разными путями. Интерес также может представлять исследование пополнения фонда прилагательных в период XVI–XVII вв. (словообразовательные и семантические процессы), границ между разрядами прилагательных в истории языка, изменения семантики качественных прилагательных и культурологическая оценка таких изменений, образования переносных значений прилагательных, в частности оценочной и абстрактной семантики, характеризующей моральные качества человека, у прилагательных физического восприятия (в том числе у параметрических прилагательных). Такой анализ важен в смысле изучения формирования фонда и определения семантики русских прилагательных на этапе начала сложения национального языка.

Сокращения

Авв. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

А. Ивер. м Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. Т. 5. СПб., 1878.

Аноним. разг. — "Ein Rusch Boeck..." Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) // Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.

Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633–1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Breloer. Böhlau; Verlag; Köln; Weimar; Wien. 1996.

А. Угл. — Шумаков С. Угличские акты (1400–1749 гг.) // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–208.

АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. 2. М., 1951–1956.

- АЮБ III — Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археограф. комис.; Под ред. Н. Калачева. Т. 3. СПб., 1857–1884.
- Вкл. Нижегород. — Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря / Предисл. А. А. Титова // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1.
- Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
- ИНРЯ — Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русско-го народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.
- Копенг. разг. — Sørensen H. Chr. Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1962
- Котошихин — Котошихин Г.О. О России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859.
- МДПП — Материалы делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906.
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968
- Назиратель — Назиратель / Изд. подг. В. С. Гольщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.
- Пов. Гор.-Зл. — Повесть о Горе-Злочастии // Русская повесть XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 103–115.
- Разг. Хеймера — Günther Erika. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002.
- Разг. Шпрове — «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. 2 / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska. Kraków, 1997
- РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.
- РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М., 1954 Т. 2. Ч. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1962.
- Рус.-грузин. отн. I — Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII в.). Т. 1–2 / Документы к печати подг., предисл. и коммент. Г. Г. Пайчадзе. Тбилиси, 1974.
- РШЭО — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.–Л., 1960.
- Сим. Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.
- Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
- Ст. сп. Байкова — Статейный список Ф. И. Байкова // Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 113–145.
- Ст. сп. Писемского — Статейный список Ф. А. Писемского // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.–Л., 1954. С. 100–155.
- Судебник 1550 г. — Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. // Памятники русского права Вып. 4. М., 1956. С. 233–261.

Товар. цен. роспись — Городилова Л. М. Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. XVI. 2008. № 2. Cambridge – “Palaeoslavica” – Massachusetts. S. 129–154.

Торг. кн. (С), 1575–1610 гг. — Торговая книга / Предисл. И. И. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археолог. о-ва. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851.

Хож. Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / Под. ред. акад. Б. Д. Грекова, В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1958.

Южн. челобитные — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи. / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.

Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (на материале иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.

Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания, 2011. № 3. С. 19–48.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.